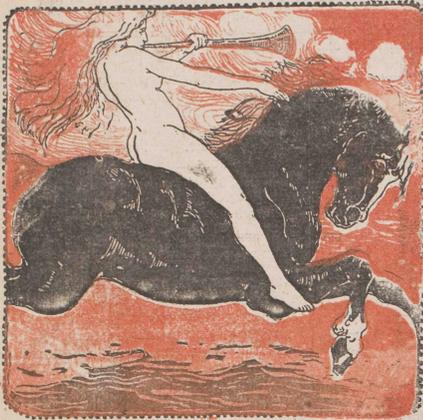


ЖЗЕТА ШЕБУЕВА

№ 8

СОДЕРЖАНИЕ:

НЕГАТИВЫ. — АНКЕТА. — ПОЛЕМИКА. — ЕЩЕ О ПОЛИТИКѢ — САМОВЫСТАВКА. — ТЮРЬМОВЪДѢНІЕ. — ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ. — МУЗЫКА. — МАКСЪ РЕГЕРЪ. В. СЕНИЛОВЪ. — КАКЪ МЫ СЪ БАРОНОМЪ БЫЛИ НА ВЫСТАВКѢ «ЗИМНІЙ ПАВЛОВСКЪ». МЫ—ПСИХІАТРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ—СО СВЯТЫМИ УПОКОЙ Н. ШЕБУЕВЪ.—БИБЛІОГРАФІЯ. И. ГУРВИЧЪ.—СУДЕБНЫЙ МІРЪ. ОМУТЬ Г. О. РОЗЕНЦВЕЙГЪ.—МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.—ДВУГРИВЕННЫЙ Н. ШЕБУЕВЪ.



АНКЕТА.

Новизна затронутого мною вопроса и острота темы послужили поводомъ къ конфискации № 7 моей газеты.

Въ самомъ цензурномъ вѣдомствѣ голоса раздѣлились: одни съ безпощадной настойчивостью доказывали, что моя анкета сплошное преступленіе противъ 1001 статьи улож. о иак.

Другіе, во главѣ съ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, напротивъ считаютъ не только возможнымъ, но и вполне своевременнымъ освѣщеніе полового вопроса путемъ гласности.

Первые говорятъ:—Это дѣло специальной медицинской литературы.

—Это развращаетъ читателя.

—Это уголовное преступленіе.

Но они трижды заблуждаются, тѣ, кто такъ говорятъ.

Медицина имѣетъ дѣло съ болѣзнями, съ патологическимъ явленіемъ.

Общая пресса—съ болѣе устойчивыми явленіями социальной жизни.

Я же въ моей статьѣ беру половой вопросъ въ его цѣломъ: въ его нормальномъ видѣ и съ его патологическими отклоненіями только въ той степени, въ которой они вошли въ обиходъ общественной жизни.

Вычеркивать изъ общей прессы и переносить его въ специальную, кружокъ читателей которой незначителенъ,—практически вредно.

Всѣ мы родители.

У насъ есть дѣти. Они учатся въ открытыхъ или закрытыхъ заведеніяхъ, Мы догадываемся о почвѣ, на которой происходитъ ихъ развращеніе.

Но въ этомъ вопросѣ мало догадываться, надо знать навѣрное.

Потому что слишкомъ цѣненъ, слишкомъ хрупокъ и деликатенъ матеріалъ, на который придется воздѣйствовать этой средѣ.

Матеріалъ этотъ—душа ребенка.

Вотъ я получилъ сейчасъ десятка три писемъ взрослыхъ и полудѣтскихъ.

Я узналъ, что ни одинъ изъ моихъ корреспондентовъ,—поймите вы изъ тридцати ни одинъ!—не потерялъ своей невинности съ женщиной.

Чистая святая любовь не играла никакой роли у 25 человекъ.

Это уже не патологія!

Въ этомъ безуміи есть что-то систематическое.

Это почти законъ.

И этотъ законъ, по крайней мѣрѣ, для меня является полною новостью.

Я лично привыкъ смотрѣть на этотъ порокъ, только какъ на нѣчто патологическое именно потому, что читалъ о немъ только въ медицинскихъ книгахъ.

Это книги для врачей. Но не для родителей.

Въ нихъ порокъ анатомированъ, препарированъ, изъ него вытнаты соки жизни, и въ этомъ видѣ онъ не представляетъ изъ себя того ужаснаго, отталкивающаго вида, какъ въ исповѣди студента Г., помѣщенной въ № 7.

Между тѣмъ цѣль моя не только изучить, но и оттолкнуть отъ порока.

Цѣль медицины излѣчить уже существующую болѣзнь.

Моя цѣль—нравственно пренентивнаго характера,—предупредить болѣзнь.

Второй вопросъ—о развращеніи читателя—отпадаетъ самъ собой.

Мои комментаріи къ исповѣдямъ моихъ корреспондентовъ, ужасъ самихъ этихъ исповѣдей, мое предисловіе въ № 6 газеты («Грѣшная Грѣшныхъ»),—все это говорить о серьезной постановкѣ вопроса.

Не развратить, а вселить отвращеніе къ пороку цѣль моя.

Неужели найдется хоть одинъ такой нравственно тупой читатель, который станетъ смаковать отвратительныя подробности исповѣди студента Г.!

Вѣдь, это не беллетристика, а публичное покаяніе, безхитростное и сухое.

Третій мотивъ—новизна вопроса,—мотивъ неосновательный.

Во первыхъ вопросъ этотъ старъ какъ міръ,—еще Библия имѣетъ съ нимъ дѣло.

Мы всѣ любимъ ссылаться на Библию, но рѣдко, кто изъ насъ читалъ пророковъ.

Между тѣмъ почти всѣ пророки занимаются особенно охотно половымъ вопросомъ и обличаютъ пороки, которыми кишитъ исповѣдь студента Г. и другихъ.

Въ общей прессѣ онъ тоже не новъ.

Въ статьѣ «Грѣшная Грѣшныхъ» я обратилъ вниманіе на анкету, устроенную почтенной газетой «Русскія Вѣдомости».

Письма корреспондентовъ, помѣщенная ею ничуть не уступаютъ въ глубинѣ и силѣ помѣщеннымъ мною.

Половой вопросъ открыто и подробно дебатировался въ публичныхъ собраніяхъ московскаго литературно-артистическаго клуба.

Подробные отчеты помѣщались во всѣхъ газетахъ.

Піеса Бріе «Порченные» и «Замѣстительницы», трактующія о половомъ вопросѣ вообще и въ частности идуть даже на Императорской сценѣ.

Переводы Золя, Гюи де Мопассана, рассказы Леонида Андреева и другихъ реалистовъ идуть въ сценѣ описанія грѣха гораздо дальше, чѣмъ мой корреспондентъ, описавшій свои похождения съ горничной Пашей.

Между тѣмъ рассказъ бросается въ публику безъ строго опредѣленной цѣли.

Морализующіе рассказы—это уже не чистое искусство.

Между тѣмъ какъ моя анкета имѣетъ строго опредѣленную моральную цѣль.

Само собой теперь отпадаетъ и обвиненіе въ 1001 статьѣ.

Вѣдь, статья эта предполагаетъ злой умыселъ.

Мой же умыселъ—отвратить отъ порока,—злымъ почетомъ не можетъ.

Но какъ бы то ни было. № 7 моей газеты конфискованъ.

Однако я, увѣренный въ правотѣ и нравственности.

Изъ массы полученныхъ мною писемъ останавливаетъ вниманіе исповѣдь Н. К.—скаго.

Съ третьяго класса кадетскаго корпуса онъ окунулся въ мерзость «восточныхъ сношеній», которыя и описываетъ съ отвратительными подробностями.

Я опускаю ихъ и беру изъ конца только такія строки:

«На 16 году я почувствовалъ возмужалое влеченіе къ женщинамъ, которое иногда переходитъ въ самое сильное возбужденіе, вслѣдствіе моего воздержанія, по вышесказаннымъ причинамъ. Я прошу васъ отвѣтить мнѣ на такой вопросъ».

СКАЗКА БЕЗЪ СЛОВЪ.



КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

ЗИМНИЙ ПЕРВОУРАЛЬСКИЙ

ЗИМНИЙ ПЕРВОУРАЛЬСКИЙ

СЕГОДНЯ 3 ДЕКАБРЯ,

ОТКРЫТИЕ

ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

музыкальных инструментов и их производств. Соляной Горюк. Подъездъ съ Пантелеимоной.

Съ 3-хъ часовъ дня.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ

Симфоническ. оркестръ изъ 70 чел.

Дирижируютъ: **Рудольфъ Буллерманъ, С. Т. Аббакумовъ и А. В. Таскинъ.**

Начало концерта въ 8 час. вечера. Двѣмъ 2 ОРКЕСТРА МУЗЫКИ. Л.-Гв. Коннаго полка подъ Управ. г. Руневъ и Л.-Гв. Кавалергардскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА подъ управ. г. Армгеймера.

Первоклассная московскій буфетъ.

Цѣна за входъ 2 р. Дѣти и воспитанники въ формѣ 1 руб.

ВЪ ЗАЛАХЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНІЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ

исполненныхъ въ мастерскихъ Т-ва Р. Голикъ и А. Вильборгъ.

Вся выручка отъ входной платы дѣлится на двѣ равныя части и поступаетъ въ пользу:

- 1) Недостаточныхъ учениковъ Высшаго Художественнаго Училища при Императорской Академіи Художествъ.
- 2) Первой Школы Печатаго Дѣла при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Онѣ.

ВХОДНАЯ ПЛАТА: По понедѣльникамъ 1 р. Въ остальные дни по 32 к. Входъ для г. учащихся безплатно.

ростъ: что болѣе вредно въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ въ данномъ случаѣ, мое воздержаніе или удовлетвореніе страсти? Я пробылъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ посредствомъ чтенія книгъ научнаго и беллетристическаго содержанія, а также разспросовъ моихъ товарищей; результатъ этихъ послѣднихъ таковъ: изъ 27 кадетовъ нашего класса было: 1 дѣвственникъ, 13 человекъ потеряли невинность въ корпустѣ въ сношеніяхъ съ товарищами, 6 дома съ прислугами и 2 съ проститутками. Самый старшій былъ 20 лѣтъ, младшій 16 лѣтъ.

Повторяю, каждый родитель догадывается о спертости атмосферы закрытыхъ учебныхъ заведеній.

Но эти цифры ошеломятъ хоть кого угодно.

И заставляя тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, вдумчивѣе и прилежнѣе изучать бытъ учениковъ, стараюсь въ Медіцинскія книги не дали бы этихъ цифръ.

Онѣ не указали бы и пути и способъ поверъ пресѣчь зло,—о нихъ рѣчь у меня впереди.

Изъ кипы писемъ выдѣляются два. Только два письма дѣвственныхъ душъ,—мужской и женской.

«Мнѣ сейчасъ ильетъ 23 годъ отъ роду. До сихъ поръ женщины не познавала. Правда, два года спустя по прѣйдѣ изъ деревни, когда я находился еще въ учебномъ колоніальномъ магазинѣ подъ дурнымъ вліяніемъ товарищей, я какъ-то поспѣлъ даже домъ терпимости, но къ счастью, вмѣсто моего паленія, пошлость и безстыдство публичнаго дома подѣйствовали на меня отврежляющимъ образомъ и обдали меня какъ холодное водою. Съ этого момента во мнѣ произошла крупная переиѣна въ моихъ влѣдахъ и убѣжденіяхъ; съ тѣхъ поръ я много передумалъ и перечиталъ. Я въ настоящее время смотрю на чистую, порядочную и непорочную дѣвушку, какъ на святыню, и на посягательство на честь дѣвушки ради минутнаго удовольствія и удовлетворенія животной страсти я смотрю, какъ на величайшую подлость. На падшую же женщину я смотрю съ отвращеніемъ, переиѣшаннымъ съ состраданіемъ. Влюбленъ, какъ это описываютъ въ романахъ, ни разу не былъ. Находясь въ женскомъ обществѣ не особенно люблю, потому что чувствую какое-то тяготивіе и стѣснительность, которое не могу себѣ объяснить, но товарищи говорятъ, что это такъ съ неприличьями. Однако, не подумайте, что я бы не имѣлъ успѣха у женщинъ, въ томъ смыслѣ, какъ это большинство понимаютъ. Я человекъ не дуренъ собою и женщины часто намекаютъ мнѣ на то и желали бы со мною ближе познакомиться, но я этого всегда избѣгаю.»

«Второе принадлежатъ перу дѣвушки. Вопросъ, который вы затронули въ вашей газетѣ, представляется мнѣ настолько глупымъ и назрѣвшимъ, что я не могу не откликнуться на вашъ призывъ, не могу не высказаться по этому поводу.»

Въ письмѣ своемъ я не смогу отвѣтить на поставленные вами вопросы въ силу того, что я—дѣвушка, не испы-

тавшая того, что называютъ паденіемъ. Быть можетъ, письмо мое, хотя и не отвѣчающее на поставленные вами вопросы, будетъ для васъ не безынтересно, являясь выразителемъ отношенія къ половому вопросу дѣвушки изъ строгой, корректной семьи.

Въ настоящее время мнѣ 21 годъ. Принадлежу я къ типичной буржуазной семьѣ, ярко выраженнаго консервативнаго образа мысли, связанной съ представителями крупной петербургской бюрократіи.

Среднее образованіе я получила въ министерской гимназіи, а теперь принадлежу къ числу слушательницъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Впервые на горизонтѣ моей душевной жизни вопросъ половыхъ отношеній явился, когда мнѣ было 14 лѣтъ; знакомство съ ними я обязана своимъ сверстницамъ. За годъ приблизительно до этого времени, до меня уже доносились отрывки изъ этой повѣсти, украшенной фантазіей, подростокъ-дѣвочекъ, подражаемыхъ прелестью запретнаго плода и измыслившихъ вариации на грязную и сладостную тему.

Отрывки эти какъ то скопились по мнѣ, не задѣвая почему-то ни ума ни чувства. (Хотя физически я была уже вполне развита), но въ 14-тилѣтнемъ возрастѣ истина ярко обнажилась передо мной. Не могу сказать, чтобы это открытіе болѣзненно переживалось мною, какъ это часто бываетъ, или очень омрачало мою, вполне еще дѣтскую, душу. Инстинктъ подсказывалъ мнѣ, что въ приторѣ ничего ужаснаго и сквернаго быть не можетъ.

Инстинктивно же я быстро встала на научную точку зрѣнія по отношенію къ этому вопросу и отвлеклась другими, впервые также зародившимися въ душѣ вопросами.

Вообще вѣдь женщинамъ по физиологическимъ причинамъ легче дается половая жизнь, не осложняется острыми психическими переживаніями и не влечетъ за собой катастрофъ на повѣ глупаго вопроса: какъ быть? какъ примирить требованія проснувшейся, неумолимаго инстинкта съ моральными запросами, съ идеалами нравственной жизни?

Почти до этого года чувство страсти молчало и ничѣмъ не проявляло своего присутствія въ моемъ существѣ; теперь я узнала его, оно явилось, вызванное тѣмъ же чувствомъ, направленнымъ ко мнѣ; инстинктъ материнства проснулся и толкаетъ меня къ тому, кто былъ причиною ея возбужденія, а я пассивно подчиняюсь властному голосу моего животнаго я.

Я не люблю человека, котораго признаетъ мой инстинктъ, онъ чуждъ мнѣ и безконечно далекъ. Духовно мы раздѣлены пропастью, которой онъ не видитъ и не хочетъ видѣть, потому что ему нужно только мое тѣло.

Я знаю, что значитъ близость духовная, я испытала всю глубину и прелесть безмолвнаго пониманія всѣхъ чувствъ и мыслей, всѣхъ мельчайшихъ оттѣнковъ въ переживаніяхъ близкой, понятной и родной мнѣ души. И я не задумываюсь на тѣмъ, что человекъ, которому я буду, по всей вѣроятности, принадлежать, не

Н. Г. ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 12 Ч. КОВЕНСКОЙ, 14. ТЕЛЕФ. РЕДАКЦІИ 41-43. ТЕЛЕФ. ТИПОГРАФИИ 216-06.

задѣваетъ моей души, что для него она молчать и всегда будетъ молчать.

Я знаю, съ современной точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ большинства, идеальныя отношенія, въ которыхъ влеченіе духовное и физическое идутъ рука объ руку. Это можетъ быть и желательнѣе, но не непрѣменно. Прежде всего полная независимость духовной жизни отъ животной; пусть онѣ не мѣшаютъ другъ другу. Если въ одномъ человекѣ можно слить и духовно близкаго друга и любовника—это хорошо, если нельзя, то пусть эти начала не смѣшиваются.

Наканунѣ рѣшенія своей судьбы, и своего паденія, на канунѣ того чтобы связать себя съ человекомъ чуждымъ, связать даже хотя и не бракомъ, я совершенно покойна,—я знаю, что я права.

Права тѣмъ, что въ существѣ моемъ, въ моей натурѣ есть это строгое разграниченіе началъ человѣческаго и животнаго.

Вотъ въ этомъ правда, и мнѣ кажется, что всѣ со временемъ поймутъ меня и въ каждомъ человекѣ явится отчетливое сознаніе необходимости отдѣльнаго независимаго существованія къ человѣческаго такъ и животнаго его я.

Тогда человекъ, удовлетворяя свой животный инстинктъ, не будетъ относиться къ тому какъ къ компромиссу, какъ къ нежеланной, вынуждаемой уступкѣ, не будутъ бороться и зачастую погибать въ неравной борьбѣ духа съ плотью, и онъ открыто и смѣло признаетъ за этимъ животнымъ началомъ право на самостоятельное существованіе и будетъ исполнять его требованія и слушать его голоса. Тогда плоть перестанетъ мстить за свои попорнанія права и не будетъ въ свою очередь гонать человѣческой психики.

Для этого нужно, чтобы въ глубинѣ существа человека родилось это незбылемое сознаніе существующихъ въ немъ двухъ началъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое право на жизнь. Я твердо вѣрю въ то, что время это настанетъ и согласна съ вами, что нужно болѣе и болѣе говорить объ этомъ прокатомъ вопросъ, надо не перетрасти, все пересмотрѣть, нужно безпощадное отношеніе къ самимъ себѣ, къ своимъ наибольшимъ язвамъ. Тогда явится сознательное и прояснится туманъ, кошмаромъ окутавший всѣхъ.

Пишу вамъ, Николай Георгиевичъ, для того, чтобы прибавить лишній документъ по интересующему васъ вопросу. Одна изъ разнovidностей отношенія, если не общества, то учащейся молодежи по половому вопросу.

Желаю отъ всей души, чтобы предпринятое вами дѣло увѣчалось успѣхомъ, увѣрена, что васъ завалитъ письмами.

Вы можете быть увѣрены, что письмо мое глубоко искренно, иначе мнѣ не имѣло смысла и писать его.

Имени своего я потому и не подпису, да оно и не нужно.»

Н. ГЕОРГИЕВИЧЪ

ПОЛЕМИКА.

Въ № 2 моей газеты я написалъ статью о праздничномъ отдыхѣ для рабочихъ печатнаго дѣла.

Вполнѣ сочувствуя идеѣ праздничнаго отдыха вообще, я находилъ безобразнымъ то положеніе этого вопроса, въ которомъ онъ находится теперь.

Въ понедѣльникъ выходитъ только безпартийная газета, прогрессивная же принуждена молчать.

Такимъ образомъ, прогрессивныя газеты 6 дней въ недѣлю теряютъ гонимые свѣше, а въ день седьмой—снѣзу,—отъ наборщиковъ.

«Новое же Время» и проч. получаютъ 6 дней въ недѣлю субсидію свѣше, а въ день седьмой—снѣзу,—отъ наборщиковъ.

Я высказалъ предположеніе, что контора «Новаго Времени» должна соорудить памятникъ г-жѣ Рубинчикъ за увеличеніе розни въ газетахъ.

Вопросъ ясенъ: праздничный отдыхъ нуженъ, но не въ той формѣ, въ которую онъ вылился.

Я ожидаю на мою статью объясненія, разъясненія, словомъ, отвѣта по существу.

Но вотъ что я нашелъ въ послѣднемъ номерѣ «Голоса Печатника»:

У Щерина гдѣ-то сказано (приблизительно): «У русскаго человека очень горячее сердце, но нѣтъ подготовки. Сердце горячее, а подготовки нѣтъ, поэтому ему остается или удивить всѣхъ мрѣ злодѣицѣ, или... изменить современныя—сдѣлать радикаломъ.»

Я буду говорить о г. Шебуевѣ, о томъ, самъ Шебуевъ, который въ дни свободы издавалъ пресловутый журналъ «Пулеметь», а теперь благополучно выпустилъ четвертый номеръ «Газеты Шебуева».

Всякому вѣдомъ, конечно, издавать и писать, какъ ему угодно и что угодно и, по условіямъ буржуазнаго общества—выгодно.—Это прежде всего. Всякій товаръ не только долженъ быть извѣстнаго средняго качества, но онъ, кромѣ всего прочаго, долженъ быть предельно къ продажѣ во время.

Всякъ самъ дѣлать сколько угодно какъ недоработанный, если бы салонники вздумали выставить въ магазинѣ валенки въ апрѣлѣ, а желтые баретки въ сентябрѣ.

Какой переполохъ вышелъ бы, напримѣръ, если бы Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ, пользуясь знаніемъ дѣлать изъ свѣше, продалъ государственныхъ газетъ въ ихъ борбѣ съ г. Турко?

Положенію, это дѣло было несвоевременно, вотъ теперь—другое дѣло—теперь «Новое Время» вѣтъ корректной формѣ вышло на «фельдмаршальскаго сына» Турко цѣлымъ ударомъ и это своевременно, ибо теперь требуется провалить Турко возможно глубже въ яму казнокрадства.

— Но при чемъ тутъ Шебуевъ? Какъ при чемъ? Я все время думалъ о немъ и хотѣлъ только предостеречь маленькое объясненіе мурдымъ правдивымъ: «всюкому оному свое время» и «каждый носъ по вѣтру»,—правиламъ, которыхъ необходимо держаться всѣмъ, кто хочетъ сколотить «денегу» и которыхъ придерживается г. Шебуевъ, впрочемъ не успѣваю.

Факты? У насъ только два. Въ прошлую осень, когда волна освободительнаго движенія поднялась такъ высоко, какъ никогда еще не поднялась, рабочий стоялъ на передствѣхъ сланы и всѣ пѣли ему дивирамъ. Тогда г. Шебуевъ назвалъ русскій пролетаріатъ «его величествомъ».

Все, что ни дѣлалъ «его величество» было хорошо, и г. Шебуевъ только радовался и игралъ на своемъ «Пулеметѣ»,—какъ на тимпанѣ, славу пролетаріату. И собиралъ пятаки, много пяткасовъ...

Теперь времена измѣнились. Нынѣ не въ модѣ «его величество пролетарій всероссійскій»! Мужичья исторія приковала его къ станку, какъ съ прилавку.

Черный порокъ реакціи терзаетъ его мускулистую грудь.

Бывшій работникъ Алексѣя Суворина, г. Шебуевъ съ тонкостью лавочника съ Сѣвной поля, какой теперь товаръ по акву трактирнымъ заветсгатамъ?

Не даромъ онъ бесѣдуетъ (очевидно, по-прительски,—иначе какъ можно спросить о дѣлахъ «конторы») съ важными служащими конторы Суворина отпа.

Ужъ не адресовалъ ли для разсылки вашей газеты просили Вы, г. Шебуевъ, у «виднаго служащаго»? Въ этомъ нѣтъ ничего такого... Не спрашивайте...

Въ «Новомъ Времени» всѣ имѣютъ безбѣрные доходы: наборщики, чтобы наверхъ скверная условія работы и низкую плату, приписываютъ часы, сотрудники, сидя въ Питерѣ, пишутъ «состыенныя корреспонденціи» въ Влостокъ или Сѣвденъ, а мало—такъ и изъ самаго Лондона. Такъ почему же ими и не воспользоваться?

Послѣдуйте. Мы только похвалимъ: Живъ Загорѣцкій и процвѣтаетъ. Ура! «Пулеметь» Загорѣцкому

Мы бы не стали Васъ обижать, г. Пулеметь. Но зачѣмъ Вы ошибки нашихъ мучениковъ смѣшиваете со своимъ грязнымъ дѣломъ?

Зачѣмъ Вы въ статьѣ противъ воскреснаго отдыха (см. № 2 «Г. Ш.») прилетаете къ себѣ политическую тюрьму. Будто возможно этимъ что-либо доказать?

Неужели Вы думаете, что въ Россіи, крѣмъ Васъ съ Суворинимъ всѣ, съ ума сошли?

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, делегатами сооб-



ранья, работавшая целый год, не знали, что дѣлали.

«Неужели Вы серьезно думаете, что «Листок» или «Новое Время» может конкурировать съ серьезными журналами кадетовъ или с-демократовъ?»

«Неужели серьезный гражданинъ нашихъ дней, выразивъ принципиальное согласие на воскресный отдыхъ печатниковъ,—будетъ покупать и потащить въ домъ, въ семью подобную грязь?»

«Неужели серьезно можно считать литературой «Петербургскую Газету» и т. п. издания?»

«Но газета отчасти создаетъ гражданъ. Это фактъ. Надо, значитъ, доказать, что терять население отъ невыхода 50 номеровъ въ годъ. Положительно ничего. Дѣло вотъ въ чемъ.»

«Рабочие и крестьяне и всѣ люди занятые читаютъ главнымъ образомъ въ воскресенье, остальные дни они читаютъ мало. Большинство совсѣмъ не читаетъ, а въ понедельникъ, какъ первый рабочий день, въ особенности...»

«Остается вопросъ объ освѣдомленности. Телеграммы пока проходятъ постоянно, дѣйствія властей не прекращаются и въ воскресенье.»

«Но кто же не знаетъ, что извѣстныи «Пулеметъ», изъ «Листка» и «Пет. Газеты» никто никогда не вѣрять и съ ними не ведутъ polemiki.»

«Кому же необходимы свѣдѣнія о намерѣнхъ правительства, тотъ неизбежно будетъ выписывать, а не покупать «Новое Время», такъ какъ ему только камарилья доверитъ свои публикации. Пройдетъ такой порядокъ и «Новое Время», если не будетъ укрощено ранѣе, сведется на тотъ же «Листокъ».»

«Создается, г. Шебуевъ, что вопросъ всецѣло и исключительно сводится къ тому, что Суворини и «Листки» сорвутъ 52 раза въ годъ по нѣсколькимъ десяткамъ ятаковъ больше, чѣмъ честные издатели настоящихъ политическихъ газетъ. Вотъ и все.»

«Но если бы С. Р. П. Дѣла изъ-за этого отъказались отъ абсолютнаго воскреснаго отдыха,—онъ сдѣлалъ бы преступленіе противъ всевропейскаго рабочаго движенія.»

«Оставьте лучше эту тему, г. Шебуевъ, и не троньте большое учрежденіе и причастныхъ къ нему работниковъ, тѣмъ болѣе, что все равно ничего не выйдетъ, а проиграете. Спекулируйте на что-нибудь другое.»

«Вы еще очень не сознательны и плохо понимаете свои интересы. Вѣдь, если выйдеть въ понедельникъ «Рѣчь», «Страна» и «Товарищъ», то дасть ятакъ за Вашу «литературу»?»

Діаі.

Это лучший отвѣтъ, на который только способны сознательные писатели изъ «Голоса Печатника».

Когда человѣку нечего возразитъ по существу, онъ начинаетъ браниться.

«Но никогда такая брань не обидна, потому что она безпочвенна и относится къ лицу, а не къ дѣлу.»

Допустимъ, что я дѣйствительно самый безнравственный и черносотенный писатель въ мірѣ, допустимъ, что мой «Пулеметъ» былъ простой коммерческой аферой, допустимъ, что тюрьму къ себѣ примазалъ я самъ, а не правительство,—допустимъ все, чѣмъ старается оскорбить меня авторъ статьи вплоть до продажи души «Новому Времени»,—все же, какъ бы ни была безобразна моя личность, отвѣтъ долженъ быть по существу.

Отыгрываться на риторическихъ вопросахъ и восклицаніяхъ въ серьезномъ дѣлѣ грѣшно.

Авторъ статьи только и дѣлаетъ, что восклицаетъ:

«Неужели Вы думаете, что въ Россіи, кроме Васъ съ Суворинымъ, всѣ съ ума сошли?»

Тысячи тысячъ читателей вѣроятно считаютъ сумасшествіемъ современный порядокъ, куда подъ флагомъ прогрессивнаго движенія ихъ пакаютъ по понедельникамъ репрессивными газетами.

Тысячи читателей, которыхъ наборщики опростить не пожелали. И не смѣли. И не смѣли.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ делегатскія собранія, работавшія целый годъ, не знали, что дѣлали?»

Если делегатскія собранія дѣйствительно работали дѣльный годъ, то ихъ труды въ ихъ области праздничнаго отдыха нужно считать до смѣшнаго, до обиднаго ничтожннми.

Имъ удалось «побѣдить» только тѣ газеты, которая и безъ того забиты свободой печати.

«Неужели Вы серьезно думаете, что «Листокъ» или «Новое Время» можетъ конкурировать съ серьезными журналами кадетовъ или с-демократовъ?»

Никто не говоритъ о конкуренціи. Но всякій вамъ скажетъ, что фактически и «Листокъ», и «Новое Время» по понедельникамъ замѣняютъ и «Рѣчь», и «Страну», и «Товарища».

«Неужели серьезный гражданинъ, выразивъ принципиальное согласие на воскресный отдыхъ и т. д...»

Смѣшно читать о серьезномъ гражданѣ, выразившемъ согласие.

Во-первыхъ, у насъ гражданъ нѣтъ.

Во-вторыхъ, у насъ серьезныхъ гражданъ нѣтъ.

Въ третихъ, у насъ нѣтъ серьезныхъ гражданъ, выразившихъ согласие.

«Кто, когда, гдѣ, у кого спрашивалъ это согласие!»

«Что торяеть население отъ невыхода 50 номеровъ въ годъ. Положительно, ничего?»

Нужно положительно не уважать трудъ наборщика и писателя, чтобы сказать, что если 52 дня, т. е. седьмую часть года, т. е. 7 съ лишкомъ недѣль, газеты промолчать, тѣмъ лучше для населенія. Рабочие и крестьяне изволите ли видѣть, въ понедельникъ не читаютъ все равно.

Откуда сіе наблюденіе! Какъ некривисе эти голословныя увѣренія.

«Но еще некрасивѣе желаніе придать всему вопросу исключительно пяташный характеръ.»

При этомъ авторъ словомъ «пяташный» и «сознательный» путаетъ.

«Такъ меня онъ укоряетъ, что я «очень не сознательнъ»,—хлопочу о выходѣ по-недѣльныхъ номеровъ, а самому мнѣ это не выгодно...»

«Я плохо понимаю свои интересы.»

«Если понимать подъ слова «интересы» «пяташки»,—да, тогда я совсѣмъ не сознательный.»

«Но какъ бы ни было это лично мнѣ не выгодно, я всегда повторю: изъ праздничнаго отдыха сдѣлана кукольная комедія.»

Изъ прогрессивнаго начинанія неопытныя, неумѣлыми руками сдѣлаю нѣчто, погубляющее реакціи.

«Это я скажу, какъ бы печально меня ни ругали въ «Голосѣ Печатника».

И вотъ лучшее доказательство, что это ругань меня не трогаетъ и не обижаетъ.—Я перепечатаю ее цѣлкомъ.»

Н. ШЕБУЕВЪ.



ОМУТЬ.

VI.

Въ капищѣ нѣтъ мѣста сантиментальности. Каждый человѣкъ цѣнится тамъ исключительно по объему и содержанию своего бумажника. Вотъ почему никто особенно не заинтересовался личностью новаго вренчикца. Не все ли равно, кто онъ, лишь бы у него всегда водилось золотого и была охота вести широкую игру. Какъ блѣдныя тѣни, проходили они уже десятками и сотнями по этому залу и затѣмъ, въ лучшемъ случаѣ, куда-то исчезали, смѣшиваясь съ толпой презрѣнныхъ мазиковъ, въ худшемъ—давая интересный матеріалъ для скандальной уголовной хроники.

Все же Сергѣй Ивановичъ былъ слишкомъ крупный игрокъ, чтобы о немъ не говорили, чтобы не интересовались его положеніемъ въ обществѣ. Разговоры эти ведутся, обыкновенно, въ антрактахъ между двумя метками, причѣмъ есть такіе всезнайки, отъ которыхъ ничего не укрывается. Вотъ эти всезнайки сразу опредѣлили, что Сергѣй Ивановичъ—директоръ одного изъ желѣзнодорожныхъ обществъ, получающій огромное содержаніе. Свѣдѣнія всезнаекъ оказались вѣрными лишь въ самой незначительной степени. Кой-кто изъ постояннаго сопровождавшихъ Сергѣя Ивановича, могъ, конечно, дать о немъ вѣрныя свѣдѣнія, ибо это были его сослуживцы, даже его непосредственное начальство, но очевидно, такое раскрытіе инкогнито не входило въ ихъ расчеты. Сергѣй Ивановичъ, дѣйствительно, служилъ въ правленіи же лѣзной дороги, но занималъ скромную должностъ завѣдующаго купоннымъ отдѣломъ, съ окладомъ въ 200 рублей въ мѣсяцъ. Онъ былъ на хорошемъ счету у начальства, какъ ровнотный служака и человѣкъ, сравнительно образованный, владеющій иностранными языками.

Потребности у него были весьма скромныя, идеалы—также, да и трудно было, при отсутствіи высшаго образованія, раз-

считывать на какую-нибудь особенно блестящую карьеру. Въ лучшемъ случаѣ впрди, какъ вѣнечъ карьеры, видѣлось содержаніе въ 3000—4000 рублей и къ этому Сергѣй Ивановичъ шелъ неуклонно. Пока Сергѣй Ивановичъ былъ одинокъ, онъ могъ считать себя счастливымъ и обезпеченнымъ. Но, вотъ, заговорило сердце и картина сразу измѣнилась. Въ правленіе, въ то отдѣленіе, которымъ завѣдывалъ Сергѣй Ивановичъ, поступила молодая вдова Петрова. Скоро для всѣхъ служащихъ отдѣленія,—а въ отдѣленіи находилось много женщинъ, особенно компетентныхъ въ вопросахъ флирта,—стало ясно, что начальникъ выдѣляетъ новенькую. Пошли толки, пересуды. Софья Ивановна,—такъ звали вдову,—должна была выслушивать колкости, намеки, дружескіе совѣты. Для нея, не привыкшей къ атмосферѣ интригъ и злопаты, становилось все тяжелѣе работать. Между тѣмъ, это было, послѣ смерти мужа, единственный источникъ существованія. При всемъ томъ, Софья Ивановна бросила бы все, но ея сердце было уязвлено. Ей нравилось скромное уживаніе Сергѣя Ивановича, въ которомъ не было никакого фатовства. Оставаясь часто, по обязанностямъ службы, наединѣ, они вели задушевные разговоры, въ которыхъ Сергѣй Ивановичъ высказывалъ серьезные взгляды на отношенія половъ, на семейную жизнь. По его словамъ, онъ тяготился своимъ одиночествомъ и жаждалъ женской ласки, прочной привязанности.

Свершилось то, чему суждено было случиться. Сергѣй Ивановичъ сошелся съ молодой вдовой. То было самое счастливое и въ то же время самое тревожное время въ жизни обоихъ. Нехотилось свое счастье скрывать, дабыне компрометировать Софью Ивановну. Но какъ вѣнше корректны ни были любовники, отъ кумушекъ не укрылась на интимности. Положеніе Софьи Ивановны на службѣ стало невыносимо. Тогда-то Сергѣй Ивановичъ и самъ предложилъ ей оставить службу. Онъ ъдѣнъ, но при хозяйственныхъ способностяхъ Софьи Ивановны, можно на получаемое имъ жалованье плюсъ вечернія, отдѣльно оплачиваемыя, занятія, существовать съ большимъ даже комфортомъ, чѣмъ на холостомъ положеніи.

Дѣйствительно, первое время Сергѣй Ивановичъ могъ только радоваться переѣмъ въ своей жизни, даже съ точки зрѣнія материальныхъ удобствъ. Но по-немногу вернулась прежняя холостецкая безалаберность, появилось желаніе поидѣть съ пріятелями гдѣ-нибудь въ ресторанъ за кружкой вина или пива. Всѣ такія вылазки производили замѣтныя бреша въ бюджетѣ. Независимо отъ того, такія эскурсіи давали осадокъ горечи въ душѣ Софьи Ивановны, такъ какъ указывали на извѣстное охлажденіе, служившіе симптомомъ, что она уже не занимаетъ единственнаго и первенствующаго мѣста въ его жизни. Что же будетъ дальше?

А дальше Сергѣй Ивановичъ, дѣйствительно сталъ тяготиться изнанкой семейной жизни, пеленками и всѣми аксессуарами дѣтской. Притомъ, въ дверь постучалась нужда, скромнаго жалованья, не хватало на самое необходимое. Вотъ тогда-то впервые Сергѣю Ивановичу пришлось въ голову попытаться счастья въ карты.

Микробъ азарта давно уже проникъ въ то учрежденіе, гдѣ служилъ Сергѣй Ивановичъ. Мелкіе служащіе почти сплошь были заражены имъ, стараясь скрыть свое независимое существованіе надеждою на выигрышъ. Конечно, это кончалось, обыкновенно, прогаромъ, приводило очень часто къ трагедіи, потерѣ службы, но и то отъ времени до времени вдругъ такой игрокъ хваталъ какой-нибудь большой,—по своимъ средствамъ,—кушъ. Тогда все правленіе заговаривало о счастливцѣ, ему завидовали, въ немъ заискивали. И не одинъ, доселѣ скромный, служащій, становился жертвою азарта.

VII.

Сергѣй Ивановичъ началъ игру подъ руководствомъ одного такого сослуживца. Увы! вмѣсто прибавленія къ бюджету, игра сразу произвела опустошеніе въ карманѣ. Вотъ когда нужда серьезно постучала въ двери любезной чѣты. Не хватало денегъ на квартиру, всюду пошли долги, даже въ мелочную лавку.

Но остановиться уже трудно было,

такъ какъ, при нормальномъ положеніи вещей никакъ нельзя было возстановитъ равновѣсія въ бюджетѣ. Тогда-то впервые Сергѣю Ивановичу пришла въ голову отчаянная мысль пустить въ ходъ огромныя средства того учрежденія, въ которомъ онъ могъ служить и которая ему по службѣ были вѣрены.

Семь бѣдъ—однѣ отвѣтъ. Вѣдь, одинъ только удачный оборотъ кассы, а тамъ можно остановиться, сразу обезпечить, себя и семью на долгое время.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день мы видимъ Сергѣя Ивановича въ клубѣ, гдѣ онъ до слухъ поръ игралъ роль незамѣтной мазика, но уже за большимъ столомъ. Кой-кто, кто близко зналъ имущественное и служебное положеніе Покровскаго, выражали удивленіе, но большинство игроковъ отнеслись къ этой метаморфозѣ довольно безучастно, философски: такія-ли еще превращенія видали игорная зала? А дѣло объяснялось просто: собственноручно подписую онъ, обратилъ ничего не стоящую бумагу въ облигацію вновь выпущеннаго займа дороги и такія цѣнности, на сумму въ 20—30 тысячъ рублей, онъ въ ближайшей мѣняльной лавкѣ обратилъ въ наличныя деньги, но съ обязательствомъ, обратнаго обмена. Съ тѣхъ поръ Сергѣй Ивановичъ сталъ вести двойственное существованіе. На службѣ онъ былъ все такой же скромный служащій, приходившій раньше всѣхъ на службу,—между прочимъ, такой ранній приходъ обуславливался страхомъ, что кто-нибудь можетъ добраться до шкафа и обнаружитъ пропавшія облигаціонныя листы,—такимъ же скромнымъ и бережливымъ онъ былъ и у себя дома, такъ какъ Софья Ивановна не должна была и подозревать истины, а ночью онъ обращался въ богатца, швыряющаго тысячи.

Первый опытъ оказался неудачнымъ. Вымѣненныхъ облигацій оказалось недостаточнаго, пришлось фабриковать все новыя и новыя цѣнности. Владѣлецъ посѣщаемой Сергѣемъ Ивановичемъ мѣняльной конторы предупредилъ своего щедраго клиента, что его средства недостаточны для размѣна, а потому онъ съ своей стороны долженъ закладывать эти облигаціи въ одномъ изъ банковъ, гдѣ у него имѣется счетъ. Деньги все уплывали въ бездонную пропасть, а карта все была.

Тогда-то Сергѣй Ивановичъ рѣшилъ перемѣнить клубъ, въ надеждѣ, что на новомъ мѣстѣ поспаслитесь, и очутился въ капищѣ. Какъ мы видѣли, на первое время счастье ему улыбалось и онъ совсѣмъ отыгралъ весь свой проигрышъ, даже кое-что оставалось въ его личную пользу. Благодариме подсказывало бросить опасную аферу, выкупить облигаціи и вернуться къ скромной, тихой жизни. Но онъ уже былъ увлеченъ азартомъ, онъ уже привыкъ съ легкостью смотрѣть на огромныя суммы. Бросить игру въ тотъ моментъ, когда счастье улыбалось ему, когда каждый вечеръ можетъ дать въ его руки цѣлое состояніе, развѣ это не было бы глупостью, почти безуміемъ? Затѣмъ ли онъ мучился, терзался страхомъ каждую минуту, что-бы, въ концѣ концовъ, обратиться въ голога же нищаго, какимъ былъ раньше? И Сергѣй Ивановичъ продолжалъ игру. Оборотъ каждаго вечера доходилъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей и пока все въ пользу счастливца. Какъ онъ ни скрывалъ тщательно свои ночныя похождения отъ Софьи Ивановны, но все же она знала, что Сергѣй Ивановичъ играетъ, повидимому, счастливо. Въ домѣ появились признаки довольства, взята была банна, улочены были всѣ долги. Не очень-то рада была Софья Ивановна такимъ деньгамъ, но дѣлать нечего: ужъ если онъ играетъ, то все же лучше, что онъ выигрываетъ. О, еслибы она знала всю истину! Быть можетъ она сумѣла въ время остановить катастрофу.

Г. РОЗЕНЦВЕЙГЪ.





ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ.

VII.

Моей тюрьмы цвѣты — твои, дитя, портреты.
Какъ звѣздочки они сверкаютъ по стѣнѣ...
Мнѣ улыбаются, они смѣются мнѣ,
И лаской глазъ твоихъ мои часы согрѣты.
О, какъ мнѣ всѣ черты твои близки и милы:
Копна твоихъ волосъ... Ребаческій твой станъ...
Расцвѣтъ твоей груди, какъ миртъ благоуханъ...
Стою я и смотрю. И глазъ отвѣсть нѣтъ сила...

Моей тюрьмы цвѣты — дитя, твои посланья...
Передо мной лежатъ раскинуты листы.
Они мнѣ шелестятъ о томъ, какъ любишь ты...
Журчатъ въ разгаръ зимы весення при- знанья:
«Мой милый... дорогой... Насъ разлучить тюрьмѣ ли,
Я здѣсь... съ тобой... твоя... и буду вѣкъ твоей...
Тюрьма насъ сблизила. Насъ сблизила роднѣй...
Мы безъ нея душой такъ слиты съ не сумѣли...».

Моей тюрьмы цвѣты — моихъ стиховъ куплеты:
Теперь я, въ эти дни, какъ никогда, поэтъ.
Моей фантазіи, мечтѣ — преграды нѣтъ.
Въ брилльянты яркихъ ризъ всѣ грезы разодрѣты.
Моя тюрьма цвѣтетъ, цвѣтетъ цвѣтами райа.
Надъ головою моею раскрылись небеса...
И темный лѣсъ шумитъ... и птичекъ голоса
И ты со мной опять... со мной, моя родная.

Чу! смѣха твоего веселое сопрано,
Вокругъ все золота, какъ дождикъ, разлилось.
Разсыпалась волна каштановыхъ волосъ
На прелесть твоего дѣвическаго стана.
Моя тюрьма цвѣтетъ. И грезы, и портреты,
И ризы, и стихи, и письма, и мечты...
Все это о Тебѣ, во всемъ Ревекка, ты...
Цвѣты моей тюрьмы — Тобой одной согрѣты.

X.

Я сегодня осчастливленъ
Положительно тюрьмой,
Мнѣ другимъ смѣнили номеръ
Пятьдесятъ восьмой.
Дали восемьдесятъ пятый
Въ воздаянне заслугъ.
Вотъ такъ номеръ! Вотъ такъ номеръ!
Въ немъ окно на югъ!...
Въ прежней камерѣ хотя бы
Я на табуретъ залѣзъ,
Видѣлъ неба треть аршина...
Здѣсь... аршинъ небесъ!.

VIII.

Не тужи, моя Ревекка,
Дочь еврейскаго народа!
Что тюрьма для человѣка
Коль за ней видна свобода!
Что такое годъ разлуки,
Коль за нимъ восторги свадьбы?
Безъ тюрьмы, безъ нашей муки
Можетъ счастьемъ не бывать бы.
Воля, счастье — что такое?
Дочь еврейскаго народа,
Твой народъ не жилъ въ покоѣ

И не знаетъ, гдѣ свобода.
Онъ осѣдлости черталъ...
Весь давно въ тюрьму засажень.
Путь еврея не цвѣтами,—
Притѣсненными загажень.
Твой поэтъ въ тюрьмѣ. Такъ что же!
Значить, этого я стою!
И меня знакомятъ тоже
Здѣсь съ осѣдлости чертою.
Не туманъ же ясныхъ глазокъ,
Встрѣтимъ бодро натискъ буръ мы.
Наша жизнь не вся изъ сказокъ.
Да и въ сказкахъ есть, вѣдь, тюрьмы.

X.

«Время деньги». — Правда ль это?
Если такъ-то я богачи!
Здѣсь въ тюрьмѣ то! Здѣсь въ тюрьмѣ-то!
Столько времени, — хоть плачи!
Я бы имъ персонъ на сорокъ
Подѣлился ей-же ей.



«Время деньги» — поговорокъ
Я не слыхивалъ смѣшнѣй...
Это тамъ у васъ недѣли
Дни, часы несутся вскачь
Здѣсь же еле-еле-еле,—
Каждый часъ — палачь.

XI.

Мы прочли твое посланіе
Я, да богъ, да прокуроръ.
Здѣсь въ тюрьмѣ, въ судѣ и на небѣ
Ты произвела фуруръ.
Богъ воскликнулъ: «Я — амнистію
Политическимъ вѣмъ дамъ! —
На три дня въ предѣльникъ выпустить
Кавалеровъ всѣхъ и дамъ!..»
Прокуроръ (онъ ex officio)
Прочиталь и между строкъ)
Восклицаетъ: «Я на радостяхъ
Побастую вечерокъ!..»
Ну, а самъ я, какъ помѣшанный
На одной ногѣ скачу!
Мну письмо твое и комкаю,
Проглотить его хочу...
А когда стемнѣетъ къ вечеру,
Пять огарковъ запалю!
Удивлю иллюминаціей
Крысь тюремную семью!.

XIII.

Мнѣ цвѣты сейчасъ прислали —
Блѣднопалевую розу,
Яркокрасную гвоздику,
Дѣвственный левкой,
Чтобъ смягчить мои печали,
Скрасить будничную прозу...

Даже видѣть право, дико,
Здѣсь букетъ такой.
Съ давнихъ поръ люблю цвѣты я —
Ихъ въ стихи влетѣлъ исправно...
О, тогда я былъ поэтомъ
Воли и небесъ...
Миновали дни золотые,
Разразился я недавно
Политическимъ памфлетомъ
И въ тюрьму залѣзъ.
Можетъ, это депутаты:
Роза красная — эсерка
Роза желтая — эсдечка
А левкой — кадетъ...
Кто же ихъ прислалъ сюда-то?
Вѣдь тюрьма не бугоньерка...
Кто имъ выбралъ здѣсь мѣстечко.
Дурново, иль нѣтъ?

XIII.

Тукъ-тукъ-тукъ! да тукъ-тукъ-тукъ
Это мой сосѣдъ направо,—
Цѣлый день я слышу стукъ,
Надоѣло даже, право.
Не учился я стучать,
Слушать стукъ чужой — завидно,
А приходится молчать.
Удивительно обидно!
«Шесть радостъ: Пять буквъ на рядъ», —
Добылъ ключъ такой себѣ я
(Популярный, говорятъ)
И — за дѣло, не робѣя.
Тукъ-тукъ-тукъ! да тукъ-тукъ-тукъ!
Ну-ка, мой сосѣдъ направо,
Вникни въ сей призывный звукъ!
Поболтать не дурно право!
Мой вопросъ: «какъ васъ зовутъ?» —
Для начала очень ловкій,—
Я стучалъ пять-шесть минутъ
Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разста-
новкой!..

Ну-ка, что отвѣтять мнѣ?
Будетъ явнымъ то, что скрыто...
Жадно я припалъ къ стѣнѣ
Любовьноту, любовноту!
Но отвѣтъ привелъ въ тупикъ:
«Акрѣбужа» — сосѣдъ отвѣтилъ.
До сихъ поръ въ него не вникъ,
До сихъ поръ мнѣ смыслъ не свѣтелъ.
Самолюбе отложу,
Повторилъ сосѣдъ разъ восемь:
«Акрѣбужа» да «Акрѣбужа»...
Нѣтъ, бесѣду лучше бросимъ.
Тукъ-тукъ-тукъ! да тукъ-тукъ-тукъ!
Это мой сосѣдъ направо.
Цѣлый день я слышу стукъ,
Но боюсь отвѣтить, право.
Помню, какъ-то угодили
На сеансъ зимой къ спиритамъ,
Духъ ко всѣмъ былъ очень милъ,
А ко мнѣ такимъ сердитымъ.
Я отвѣта ждалъ дрожа.
Онъ при всемъ честномъ народѣ
Мнѣ простукалъ «Акрѣбужа»
Или что-то въ этомъ родѣ...
Мнѣ ужасно не везетъ
Съ духомъ и моимъ сосѣдомъ:
Иль я выбралъ ключъ не тотъ,
Иль языкъ ихъ мнѣ не вѣдомъ!..

XVI.

Все здѣсь спитъ, какъ въ спящемъ замкѣ,
Сказки. Жизнь вступила въ русло,
Въ русло смерти, въ смерти рамки.
Сердце вянетъ и пустуетъ.
Время чуть течетъ, какъ сусло.
Тупо. Вло. Грустно. Скучно.
А дежурный рапортуетъ:
«Все въ тюрьмѣ благополучно!».





МАКСЪ РЕГЕРЪ.

Регеръ со своимъ изысканнымъ гармоническимъ вкусомъ представляетъ въ высшей степени оригинальное явленіе въ искусствѣ.

Красоту и яркость его гармоній пойметъ лишь тотъ, чье ухо прислушалось къ нашему обычному репертуару и въ чьей душѣ живетъ жажда новизны.

Воспитанный на Бахъ и Брамсъ своимъ учителемъ Гуго Риманомъ, Регеръ создалъ новую небывалую, въ гармоніи, звуковую ткань и расцвѣтилъ ея классическія формы. Фуга получила у него невѣроятное развитіе и въ его вариацияхъ на темы Баха и Бетховена достигаютъ колоссальнаго подъема.

Удивительная плодovitость автора (около 100opusовъ), достигшаго 33 лѣтъ въ сравненія съ прочими современными западными композиторами. Такъ много писали только классики.

Его любимая область—камерная музыка: сонаты для различныхъ инструментовъ, тріо, квартетъ, фортепьянная произведенія въ 2 и 4 руки, романсы.

Около 1/3 его произведеній посвящены органу, которымъ авторъ мастерски владѣетъ и увлекается.

Въ этой области онъ послѣ Баха дѣлаетъ новую эпоху, внося цѣнный вкладъ въ эту рѣдкую и мало обогащаемую литературу.

Почему же у него такъ много враговъ? Чѣмъ больше враговъ, больше чести, —говоритъ пословица. Каждый оригинальный музыкантъ чуждъ первое время уху слушателя.

Развѣ Шуманъ, Вагнеръ, новая русская школа не побивались въ свое время камнями.

Собственно говоря, исторія музыки является исторіей развитія человѣческаго слуха, а не рядомъ именъ, чиселъ и анекдотовъ. Нашъ музыкальный вкусъ—результатъ суммированія впечатлѣній произведеній тѣхъ авторовъ, которые далеко смотрѣли впередъ.

Онъ слышали и находили красоту въ томъ, чего не могли понять ихъ современники.

Вкусъ нашъ, несмотря на убѣжденіе, къ слову сказать, очень шаткое, о вѣчныхъ абсолютныхъ эстетическихъ правилахъ, очень прогрессируетъ.

Теоретики каждой эпохи нивелируютъ рядъ выдающихся произведеній своего времени, обходя иногда наиболее рѣзкія черты автора, и на этомъ основываютъ свою теорію.

Теорія музыки столько же разъ мѣнялась, сколько разъ появлялись плеяды крупныхъ и оригинальныхъ авторовъ.

Было время, когда интервалъ септими казался дикимъ.

Не далеко мы ушли отъ тѣхъ поръ, когда дивную увертюру къ «Тангейзеру» находили рѣзкой и крикливой.

Злая ирения судьбы дѣлаетъ теперь на родинѣ Регера его врагами тѣхъ, кто шелъ за Вагнеромъ и пробивалъ ему дорогу.

Вагнеръ слишкомъ затмилъ ихъ умы и они стали невосприимчивы къ новымъ идеямъ.

Печальный примѣръ узкой партійности.

Мѣняются времена, мѣняются оригинальная физиономія, а способъ борьбы и непониманія музыки остается все тотъ же. Эпитеты которыми крестила Регера! реакціонная пресса Германіи, остались тѣ же, что и для предыдущихъ великихъ музыкантовъ: грубо, вымученно, неестественно, непонятно, взвизгивающе, болѣзненно, судорожно, нелогично, несвязно и т. д. до безконечности.

Слава Богу, разрастающееся уваженіе къ искусству заставляетъ многихъ задумываться надъ новыми произведеніями и уяснять, почему авторы пишутъ и что ихъ влечетъ и гонитъ впередъ.

Регеру пришлось выдержать не мало борьбы, онъ завоевалъ себѣ симпатіи и гордо и высоко несетъ свое знамя.

Впервые петербургская публика познакомилась съ его произведеніями на «вечерахъ современной музыки», давшихъ въ прошломъ году специально одинъ вечеръ изъ его произведеній.

Крупное значеніе этого великаго художника оцѣнивается теперь и у насъ, но только небольшимъ кружкомъ лицъ.

Регеръ въ последнее время разошелся съ своимъ учителемъ Гуго Риманомъ, считая его почти единственнымъ выдающимся современнымъ теоретикомъ. Взгляды послѣдняго, къ несчастію, остановились на Брамсѣ: съ нимъ все кончилось, дабы парить произволъ.

Вкусы Регера склоняются къ Штраусу, Гуго Вольфу, Дебюсси и русскимъ.

На мой вопросъ, что онъ болѣе любитъ въ авторѣ?

— Расу!—былъ его отвѣтъ.

Каждый художникъ, не будучи даже ярко очерченнымъ націоналистомъ, таитъ въ себѣ темпераментъ народа.

Онъ хорошъ, когда бываетъ самимъ собой, а не подчиняетъ себя музыкальному творчеству другого народа, хотя бы болѣе культурнаго.

Регеръ привелъ первый попавшійся примѣръ.

Дворжакъ писалъ скверную нѣмецкую музыку и оставилъ очень симпатичные и задушевные славянскіе танцы.

Въ этомъ художественномъ смыслѣ онъ готовъ принять лозунгъ: «Художники всѣхъ странъ, раздѣлитесь!»

В. СЕНИЛОВЪ.

Сегодняшній «Вечеръ современной музыки», устраиваемый въ присутствіи находящагося теперь въ Петербургѣ знаменитаго композитора Макса Регера вмѣстѣ съ его чествованіемъ обѣщаетъ быть крайне интереснымъ. Программа исключительно изъ произведеній Регера, исполненіе которыхъ взяли на себя г.г. Жеребцова-Андреева, Венгерова, Верхбиловичъ, Налбандіанъ и др.

КАКЪ МЫ СЪ БАРОНОМЪ БЫЛИ НА ВЫСТАВКѢ «ЗИМНІЙ ПАВЛОВСКЪ».

— Вотъ здѣсь у насъ будетъ буфетъ!—объявляюще сказалъ намъ генеральный комиссаръ.—Двухъ-этажный буфетъ!

Мы съ барономъ пожалѣли что у насъ не двухъ-этажный желудокъ.

— А вотъ здѣсь у насъ эстрада для концертовъ. Трехъ-этажная эстрада.

— Зачѣмъ же трехъ-этажная?

— Это видите-ли на манеръ Мюнхенской. Первый этажъ для скрипокъ, второй для духовыхъ, а третій для ударныхъ инструментовъ.

— Я слышалъ о трехъ-этажной брани. Но о трехъ-этажной музыкѣ никогда.

— Вотъ и услышите.

— Это видите только съ непривычки кажется страннымъ. Мы заботимся о полнотѣ звука!—сказалъ секретарь И. Н. Герсонъ.

— Полнота это наша спеціальность,—подтвердилъ генеральный комиссаръ К. Г. Бормагъ.

И дѣйствительно генеральный комиссаръ оказался специалистомъ по этой части.

— Вотъ здѣсь у насъ фонолы, здѣсь Оффенбахеры, здѣсь Германъ, здѣсь Гроссманы, здѣсь придворный оркестръ и вѣвчская капелла (будутъ готовы къ великому посту), тутъ Беккеры (старшій братъ К. К. Шредеръ), тутъ портреты современныхъ композиторовъ отъ Глазунова до Брешко-Брешковскаго включительно, тутъ вотъ бѣловцы... Впрочемъ они вѣроятно надуютъ.

А гдѣ же у васъ Консерваторія?

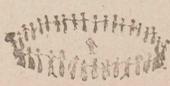
— Консерваторія съ іюня не успѣла подготовиться. Ни московская, ни петербургская. Къ великому посту будутъ.

Тутъ вотъ двухъэтажный буфетъ... Тутъ вотъ истинно русской эстрады, тутъ всѣ кустари и балалайки... Тутъ всѣ рукописи Смоленскаго... ПIANOGRAPHЪ Суховецкаго изъ Варшавы... Тутъ вотъ Дидерихса... тѣфу... Дидерихсъ не будетъ... Эстрада, замѣйте трехъэтажная... На манеръ мюнхенскаго... Пиво тоже на манеръ мюнхенскаго... Мы заботимся о полнотѣ звука... Вотъ на примѣръ граммофонъ... Суть фонола...

Дальше иди некуда... Трехъ этажный буфетъ... тѣфу... эстрада... Здѣсь будетъ Шредеръ... тѣфу... Шредеровъ братъ Бекретъ... Замѣчательная коллекція портретовъ современныхъ композиторовъ начиная съ Глинки и до Римскаго-Корсакова... Коллекція струнныхъ инструментовъ князя Юсупова... Вотъ Василь Василевичъ Андреевъ... въ швѣтахъ своей конюшни... виноватъ... простите господа... завтра открываемъ... Я совершенно съ ногъ сбился... обалдѣлъ... Только прошу васъ отмѣтить, что я лично забочусь о полнотѣ звука, что буфетъ трехъэтажный, эстрада двухъ-этажная, пиво беккеровское, истинно-русская фонола... Портреты начиная съ Шредера... тѣфу... Этого Шредеръ надоѣлъ какъ чертъ... Простите, господа, я три дня ничего не ѣлъ.

— Покушайте, покушайте... Полнота прежде всего! Полнота.

МЫ.



САМОВЫСТАВКА.

Какъ существуетъ самокритика, такъ существуетъ самовыставка.

Изобрѣтатель — Романъ Романовичъ Голикъ.

Представьте себѣ Голикъ прямо, Голикъ вкось, Голикъ вмѣстѣ*), Голикъ врозь**), Голикъ справа, Голикъ слева, Голикъ сверху, Голикъ снизу, Голикъ на Голикѣ, Голикъ подъ Голикѣ, еще Голикѣ, и еще Голикѣ,—и вы получите точное представление о выставкѣ Произведеній Художественной печати, открывшейся въ Академіи Художествъ.

Помните вы чудный расказъ изъ Хрестоматіи, кажется, Паульсона—«Канниферштанъ».

Бѣдный рабочий, не знающій голландскаго языка, попалъ въ большой голландскій городъ.

Онъ видитъ много чудесъ. И спрашиваетъ прохожихъ: — Что это? Чье это? Ему отвѣчаютъ: — Канниферштанъ***).

Видитъ онъ чудный домъ. Кому принадлежитъ онъ? — Канниферштанъ!

— Кому принадлежатъ эти корабли? — Канниферштанъ!

— Кому принадлежатъ фабрики и заводы? — Канниферштанъ.

— Кого это хоронятъ сегодня? — Канниферштанъ.

И взгрустнулось рабочему. И жалъ ему стало Канниферштана, котораго онъ успѣлъ вообразить въ видѣ колоссальнаго богача и счастливца.

И раздумался онъ о суетѣ всего человѣческаго.

Если бы этотъ рабочий попалъ на вы-

*) Вмѣстѣ съ г. Вильборгомъ.

**) Безъ г. Вильборга.

***) Не понимаю.



Сеніловъ
В. Сениловъ
13. Dec. 1906



ставку печати, он попал бы в совершенно такое положение.

— Кому принадлежить эта словолитня и стереотипная?

— Голик.

— Чья это гальванопластика?

— Голик.

— А эти цинковые клише?

— А эта литография?

— А эта фототипия?

— А трехцветное печатание?

— А гелиографы?

И он все время слышал бы в ответ:

— Голик, Голик, Голик...

Рабочий навстречу восторженно восклицал бы:

— Какой счастливцев этот Голик! Всё лучшее вещи на выставку принадлежат ему! Надо будет спросить, кто устроил этой выставке, и посоветовать ему наградить Голика несколькими золотыми медалями.

— Кто устроитель этой выставки? — спрашивает рабочий.

— Голик!

И тут рабочий глубоко вздохнет.

— Так вот отчего всё лучшее вещи принадлежат Голику.

Всё лучшее принадлежать ему. Но и всё худшее ему же!

И он подумает:

— Какое адское самонравие у этого Голика! Он экспонирует себя и только себя! Но нужно быть слишком разнообразным и богатоодаренным, чтобы приковать к себе общественное внимание. Чтобы напитать собой общественное внимание.

И я, признаться, как этот рабочий думал:

— Однако и зазнался г. Голик! И шель на выставку с самонравием осадить его самонравие.

Но пришел и увидь, что Голик... имейте право зазнаваться.

— Его выставка для нас, работников печати, цбное откровение.

Она показывает, что и в России печатание в красках можно довести до совершенства.

Работы Голика для «Мира Искусства», «Русской Школы Живописи», археологического общества (— образцы тканей), редакции «Илута» (—коллекция Шербова-Скрябинских) — настоящие шедевры.

Съровъ (—дѣтская головки), Сомовъ, Врубель, Щербовъ, Рерихъ, Бакстъ до того близки къ оргиналу, что не хочется вѣрить, что это сдѣлано въ Петербургѣ.

Нѣкоторыя вещицы вышли интереснѣ оригинала.

Напримѣръ, фототипии съ фотографій.

— Да. И русскіе могут работать.

— Явля, что Голик не Голиковъ!

Въ этомъ восклицаніи больше здраваго смысла, чѣмъ кажется на первый взглядъ.

Н. ГЕОРГІЕВИЧЪ.

НА ХУТОРЪ.

синій вечеръ. бѣлый домъ.
даль въ румянецъ золотомъ.
стадо съ пѣней монотонной
пастушонекъ гонитъ сонный...

тамъ, гдѣ скошенная ромъ,
ты идешь и тихо ждешь.

безобаянная ты, знаю,
намъдй разъ тебя ласкою.

меркнетъ даль, два вѣстия,
сметно сумракъ золота...

убранъ пугдъ зеленой тиной.
нимень хрипъ перепелный.

въ садъ иду и мну траву.
сплѣхъ я яблокъ я нарву.

въ свѣжій мѣлъ мы лица спрячемъ
я прильну къ губамъ горячимъ...

ЯКОВЪ ГОДИНЪ.



ПСИХИАТРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Благодаря любезному разрѣшенію проф. Попова я въ теченіи цблой зимы регулярно посѣдилъ съ студентами медиками 5-го курса Казанскаго университета лекціи по психіатріи.

Каждую субботу профессоръ демонстрировалъ любопытныхъ больныхъ.

На вечерахъ, устраивавшихся для развлеченія больныхъ центральной лечебницы я имѣлъ возможность ближе познакомиться съ нѣкоторыми типами, которые мною воспроизведены въ рядѣ очерковъ.

1.

СО СВЯТЫМИ УПОКОЙ.

Я познакомился съ этой барышней на вечерѣ у моего хорошаго пріятеля доктора N.

По виду ей было не больше восемнадцати лѣтъ, но ея большіе черные глаза глядѣли такъ строго, такъ серьезно, что видно было, какъ сурово отнеслась къ ней жизнь.

Въ ея наружности не было ничего особенно привлекательнаго: средняго роста брюнетка, довольно правильная черта лица, тѣлосложеніе слабое, голосъ — довольно пріятное контраalto, — вотъ все, что можно про не сказать.

Но ея глаза сразу приковали мое вниманіе.

Почти противъ моей воли я ловилъ ихъ загадочный взглядъ и почти противъ моей воли искалъ случая разговаривать съ ихъ обладательницей.

Я сѣлъ противъ нея на креслѣ, и пре-

дложилъ ей нѣсколько пустынныхъ вопросовъ.

Она была не разговорчива и отвѣчала мнѣ односторонними словами: да или нѣтъ. При этомъ она такъ серьезно смотрѣла на меня, что я сконфузился за пустоту моихъ вопросовъ и перемѣнилъ тему разговоровъ.

Не помню, о чемъ я говорилъ. Знаю только, что моя рѣчь заинтересовала ее. Она не сводила съ меня своихъ острѣхъ глазъ и какъ будто немного оживилась.

Мало по малу и она начала задавать мнѣ вопросы, мало по малу мы разговорились и къ концу вечера, мнѣ казалось, что эта барышня, которую я знаю всего лишь три-четыре часа, мнѣ давно уже знакома.

Мы откровенно бесѣдовали съ нею о такихъ вещахъ, о которыхъ говорятъ между собою только близкіе, близкіе друзья.

И вотъ какую исторію изъ своей жизни рассказала мнѣ эта барышня съ черными, странными, загадочными и нарующими глазами.

* * *

Мы жили тогда въ деревенской глуши. Нашъ хуторочекъ примыкаетъ къ лѣсу, густому высокому лѣсу, въ которомъ я такъ любила бродить.

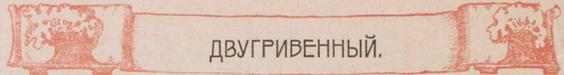
Отъ нашего хуторка до ближайшей деревни было верстѣ семь, даже больше.

Мы жили втроемъ: папа, братъ и я.

Съ нами жило, конечно, нѣсколько работниковъ, потому что папа не отдавалъ землю никому, а всю разрабатывалъ самъ.

Такъ, что, несмотря на отсутствіе вблизи деревенскаго поселка, мы не боялись нападеній воровъ, разбойниковъ, о которыхъ слухи все-таки ходили.

Я съ дѣтства не была трусихой, не боялась темныхъ комнатъ, не боялась одиночества, не боялась духовъ и привидѣній. Съ дѣтства я привыкла гулять въ лѣсу: иной разъ до ночи бродилъ, ужъ свѣжо, роса, — а все домой не хочется.



ДВУГРИВЕННЫЙ.

1.

Антонъ Петровичъ былъ на верху блаженства: онъ удостоился чести играть въ винтъ у самого его превосходительства, Ивана Лукича Переспѣлова.

Первый разъ въ жизни онъ удостоился такой высокой чести и боялся — не во снѣ ли снится ему этотъ зеленчй карточный столъ, эти серьезные лица партнеровъ, эти серебряные подсѣвнички, этотъ богатъ сервированный столъ съ закуской, это довольное выраженіе на лицѣ у самого его превосходительства.

Нѣтъ, это не сонъ. Его превосходительство подходитъ къ нему, къ мелкому чинушѣ, и чокаются рюмкою водки, поздравляя съ выигрышемъ: «поздравляю васъ, Антонъ Петровичъ... Большой шлемъ, почитайте... вѣдь я рискнулъ и выигралъ»...

— На прикупку изволили-съ надѣяться, ваше превосходительство...

— Вотъ именно я люблю рисковать...

А вы играете нѣсколько прижимисто, но все-таки вы превосходно играете... Я очень вами доволенъ и, если опять соберемся повинтить, не откажите, батенька, позову и васъ...

— Благодарю за честь, ваше превосходительство... всегда за счастье почту...

Да! это все не сонъ. Выиграли въ винтъ онъ и генералъ: онъ — 10 р. 21 к., а генералъ — цблыхъ 28 рублевъ!

Уже въ четвертомъ часу вышелъ отъ генерала Антонъ Петровичъ, до того счастливый, что чуть было не отдалъ провозвавшей его горничной десяти-рублевою бумажку, но удержался и сунулъ ей въ руку двугривенный.

II.

На утро Антонъ Петровичъ проснулся въ одиннадцатомъ часу. Сегодня праздникъ, погода прекрасная и на душѣ

Антонъ Петровича тоже прекраснѣе вспомнилъ о вчерашнемъ винтѣ.

Чтобы еще разъ удостовериться, что этотъ винтъ не сонъ, онъ ползѣвъ въ комнату жилета и досталъ оттуда вчерашній выигрышъ... Вотъ десяти-рублевая бумажка, вотъ двугривенный...

Но что же это?

Вѣдь онъ вчера отдалъ этотъ двугривенный горничной его превосходительства... Онъ ясно помнитъ, что досталъ его изъ кармана жилета, въ которомъ кромѣ выигрыша не было ничего...

Боже мой!

Что онъ надѣлалъ!

Онъ подаль горничной самого превосходительства, вмѣсто двугривеннаго, мѣдную копѣйку...

О, ужасъ! Горничная доложитъ его превосходительству о такой склупости Антона Петровича... Его превосходительство подвинитъ на его склупость... на смѣхъ подумуетъ... Всѣмъ расскажутъ, всѣ смѣяться будутъ... Проходу не дадутъ... Вѣдь, и вчера его превосходительство изволили замѣтить, что онъ «прижимисто» играетъ?!

О, ужасъ!

Что дѣлать?!.. Какъ быть?!

III.

Напрасно Антонъ Петровичъ хватался руками за голову: положеніе отъ этого не сдѣлалось менѣе безвыходнымъ. Прощай, генеральскій винтъ!

Онъ не одѣлся... Остался въ постели, сказался больнымъ, не велѣвъ никого принимать и все думалъ и охалъ. А звонки раздавались одинъ за другимъ: это его сослуживцы приходили освѣдомиться о томъ, какъ прошелъ винтъ у его превосходительства, какъ его превосходительство изволили себя чувствовать, что изволили сказать, какъ изволили пошутить (о! его превосходительство большой

И хотя мнѣ по прежнему было страшно и по прежнему колотило въ груди сердце, у меня хватило силы добѣжать домой.

— Что съ тобой? Ты такъ блѣдна, такъ встревожена! — встрѣтили меня отецъ и братъ.

И я рассказала имъ про то, что произошло въ лѣсу.

Отецъ прослушалъ рассказъ до конца и, печально улыбувшись, замѣтилъ: «Это мнѣ предсказываютъ смерть»...

Братъ отнесся къ моему рассказу легко. Онъ прямо назвалъ это галлюцинаціей слуха и добавилъ, что до сихъ поръ не думалъ, что я способна на нее: очень ужъ я всегда была безстрашною, здоровою и веселою.

— А теперь, — добавилъ онъ: — того и гляди, что будешь еще повтореніе твоей галлюцинаціи...

Я выпила холоднаго молока и немного успокоилась.

Вечера мы частенько проводили за чтеніемъ.

Сегодня тоже папа попросилъ меня почитать ему вслухъ.

Я начала читать. Сначала у меня голосъ дрожалъ, но мало по малу я оправилась.

Книжка меня заинтересовала, я увлеклась и совсѣмъ позабыла про таинственное пбніе въ лѣсу.

Въ первомъ часу мы отправились спать.

* * *

Когда я вошла въ мою комнату, мнѣ кажется, въ первый разъ въ жизни сдѣлалось боаяно въ темнотѣ, которая ее наполнила и которая глядѣла въ окна ея своими загадочными глазами.

Я поспѣшила зажечь свѣчку.

Непріятное чувство разсѣялось, но не надолго.

Когда я сняла кофточку матроски и подошла къ зеркалу, чтобы закатать волосы, я испугалась своего собственнаго лица.

Оно было блѣдно, а глаза были какъ будто не мои: въ нихъ появился какой

шутки), что изволили кушать (о! его превосходительство большой гастроном!) и пр. и пр.

Оте вставал къ завтраку, не пилъ чаю, обѣдалъ...

Все думалъ и думалъ... съ планъ сообразъ въ его головѣ и его тщательно и детально разрабатывалъ.

Пять часовъ дня Антонъ Петровичъ потребовалъ себѣ почтовой бумаги и рѣшилъ, надѣлъ халатъ и, не выходя изъ спальни началъ сочинять письмо къ ничей его превосходительства.

Много листовъ онъ изорвалъ, много дови перепортилъ за этимъ письмомъ... никогда еще, кажется, не думалъ Антонъ Петровичъ за дѣлювою бумагою такъ, какъ за этимъ посланіемъ къ горничной.

О, ужасы! Срамъ!!!

Антонъ Петровичъ пишетъ письма горничнымъ...

До чего онъ дошелъ...

«Любезная Маша! Уходя вчера ночью изъ квартиры его превосходительства, я ошибкою далъ тебѣ вмѣсто двадцати копѣекъ серебромъ одну мѣдную копѣику, каковая случайно въ карманѣ находилась и непредумышленно подъ руку подвернулась; доводя о семъ до твоего свѣдѣнія съ присовокупленіемъ десяти рубль, каковые прошу принять отъ меня въ знакъ признательности, умоляю тебя не доносить о сей моей случайной и непредумышленной ошибкѣ до свѣдѣнія его превосходительства, дабы его превосходительство, сочтя оную за признакъ скудости, не поставили-бы мнѣ сію случайность въ вину и тѣмъ не повергли бы меня въ немилость».

IV.

Въ это самое время раздался сильный звонъ. Кто-то вошелъ...

«Что это?» подумалъ съ безпокойствомъ Антонъ Петровичъ.

— Оте его превосходительства пришелъ разсылать съ письмомъ... отвѣтилъ слуга на его мысль, подавая конвертъ.

Дрожжащими руками напорвалъ его онъ и вынулъ листъ почтовой бумаги, весь исписанный широкимъ размахистымъ почеркомъ его превосходительства.

то особенный взглядъ. Въ груди опять закололось сердце.

Я чувствовала, что опять ослабѣли ноги. Шатаясь, подошла я къ кровати и, не раздѣваясь, упала на нее.

Свѣча горѣла, вздрагивая, какъ будто бы кто то дулъ на ея пламя и отъ этого всѣ предметы, на которые упала ея свѣтъ казались дрожащими.

Я бессмысленно смотрѣла на дрожащую предо мной стѣну.

Она какъ будто то уходила отъ меня, то приближалась.

Особенно рѣзко блестя на ней мѣдная отдушка и я не сводила съ нея своихъ глазъ.

Вдругъ я отчетливо услышала за окномъ пѣніе.

Каждое слово его било по нервамъ. «Со святыми упокой!» пѣлъ тотъ же хоръ, какъ и въ лѣсу.

И тоже неприятное чувство, что и въ лѣсу, овладѣло мною.

Со мной начался ознобъ.

Я опять захотѣла крикнуть, позвать сюда когонибудь, но голосъ не слушался.

Я хотѣла подняться на кровати, но не смогла. Въ головѣ все перепуталось.

Я опять потеряла сознание и забылась. Не знаю что это было-обморокъ, или глубокой сонъ безъ словъ.

Когда я проснулась ужъ было совсѣмъ светло. Отъ нашего крыльца кто то уѣзжалъ.

Это вѣроятно отецъ или братъ поѣхали на поле наблюдать за рабочими.

О вчерашней галлюцинаціи я совсѣмъ позабыла и вспомнила только тогда, когда замѣтила, что провела всю ночь не раздѣваясь и съ распущенными волосами.

Я не успѣла ихъ вчера подколотъ.

Не успѣла я также потушить свѣчку: она догорѣла и только чудомъ мы спаслись отъ пожара.

Послѣвѣчникъ былъ изъ крашеного стекла.

Когда свѣча догорѣла до конца, онъ треснулъ, съ верку раскололся и горящій фитиль выпалъ изъ его чашечки.

По счастью онъ упалъ не на скатерть

«Дорогой Антонъ Петровичъ!

Простите, что опять безпокою васъ, но дѣло въ томъ, что сегодня ко мнѣ прѣѣдутъ два генерала, страстные винтеры, и имъ непременно надо составить партію. Не откажитесь прити четвертымъ партнеромъ и тѣмъ доставите мнѣ удовольствіе еще разъ сыграть съ вами, такъ какъ мнѣ очень нравится ваша игра.

Въ ожиданіи исполненія моей просьбы остаюсь И. Переспѣловъ.

Р. 8. Въ заключеніе спѣшу передать вамъ курьезъ. Одинъ изъ нашихъ партнеровъ вчера такъ проигрался, что уходя домой, сунулъ въ руку горничной одну копѣику. Вѣроятно, это подаль Этатовъ—онъ вѣдь бѣдняжка, рублей тридцать проигралъ. Приходите, непременно посмѣемся надъ нимъ».

Антонъ Петровичъ моментально расцвѣлъ. Лицо его просіяло, преобразилось, волосы сами собой легли, образуя благообразную прическу, на щекахъ заиграли румянецъ, а на глазахъ слезы умилена и благодарности къ судьбѣ, которая хотѣла было отнять у него винтъ его превосходительства!

V.

Вечеромъ Антонъ Петровичъ винтилъ. Онъ опять выигралъ.

Боже, какъ онъ былъ счастливъ и какъ добродушно вторилъ его превосходительство, который изволил съиграться надъ Этатовымъ.

Н. ШЕБУЕВЪ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Левъ Ждановъ. На зарѣ свободы.

(Пѣсни смутныхъ дней). Выпускъ I. Изящная обложка, крупный, четкій шрифтъ, превосходная бумага, но пѣсни-то, пѣсни какия!

Г. Ждановъ, по всей вѣроятности, забыть, что пѣсни смутныхъ дней сами по себѣ отнюдь не должны быть смутными.

А у него: Какъ хорошо порой средъ темнаго народа,

стала, а на блюдечко кто булавокъ и потухъ.

Я умылась, причесалась, помолилась Богу и пошла внизъ.

Было уже семь часовъ. Отецъ и братъ уѣхали на работу. Самоваръ уже стоялъ на столѣ, а дверь изъ столовой была распахнута настежь.

Она выходила на балконъ, за которымъ начинался лѣсъ.

Солнце успѣло нагрѣть воздухъ и онъ врывается мнѣ въ грудь полный аромата смолы.

Миръ казался прекраснымъ и спокойнымъ.

Я люблю лѣсъ при этомъ освѣщеніи. Короткая тѣни деревьевъ почти касались балконныхъ перилъ.

Солнца не видно. Лишь иногда сквозь листву мелькнеть намекъ на него и скроется.

Трава у балкона еще не успѣла стряхнуть росы, а головки петуній еще не успѣли повернуться направо, что они дѣлаютъ каждое утро.

Анюта подала горячую булку и сказала:—Барышня о чемъ это вы такъ задумались.

Я вздрогнула и тутъ только замѣтила, что я съ четверть часа уже сижу неподвижно и смотрю куда то въ даль, въ лѣсъ.

— «Давно уѣхалъ папа?» спросила я, что-бы что-нибудь спросить.

— Давно, отвѣчала она и какъ то подозрительно посмотрѣла на меня.

Мы разговорились о хозяйственныхъ вопросахъ, я заказала къ обѣду кушанье, выдала провизію и поднялась къ себѣ наверхъ.

Въ комнатѣ своей я замѣтила Анюту. Она показала мнѣ разбитый подвѣчникъ.

Я объяснила ей, что позабыла вчера вечеромъ потушить свѣчу и просила не рассказывать папѣ о томъ, что мы только чудомъ не сгорѣли. Анюта «сяла комна-

Въ глухія времена, въ странѣ печальной жить.

Сурова и бѣдна славянская природа.

Здѣсь мысль принуждена насилію служить».

Хорошо, гдѣ мысль служитъ насилію: Это уже болѣе, чѣмъ смутно.

Или: Сгибла (замѣтите красоту этого глагола) свобода народа—

Смѣло мы сами кровью, слезами Взырнули сбѣя свободы. Гей, подымайтесь, къ жатвѣ сбирайтесь,

Вольные Руси народы!

Сгибла, взырнули, къ жатвѣ собираются—какъ связать эти строки? Премію бы назначить за сей трудъ.

Плохо влады стихомъ, авторъ, тѣмъ неменѣе, пишетъ длиннѣйше доклады о чемъ угодно и рисуетъ ихъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла.

Не хватаетъ въ авторскомъ лексиконѣ рими для «пронизола».

Но что жъ, бѣда невелика! Чѣмъ плохъ польскій языкъ, отчего не позаимствовать изъ него коротенькаго слова: коло? И для произвола миромъ выросла очень сочная рима.

Что касается поэтичности стиховъ г. Жданова, то, кажется, достаточно двухъ нижеслѣдующихъ образчиковъ:

1) Ты хочешь слышать, милый внучекъ, О самой тягостной изъ мукъ, Какую даже и во снѣ Невносимо вспомнить мнѣ...

2) Въ тѣрахъ иноки, блудницы и пса-ри (?)—

Всѣ на отвѣтъ пойдутъ За гнетъ, за ярый блудъ За истязанія, за кражу тѣхъ кусковъ...

Какия вырваны у жалкихъ бѣдняковъ! А русскій языкъ г. Жданова тоже «подъ смѣлѣніемъ».

Тронъ всемірнаго царя Самъ захватить мощный трудъ. Самъ въ одиночѣ—развѣ это не оскорбленіе русскому языку?

На обложкѣ красуется крупными буквами: Выпускъ I. Это жестоко по крайней мѣрѣ, по отношенію къ рецензенту.

Отецъ былъ какой то задумчивый и что то мурлыкалъ себѣ подъ носъ.

Мнѣ показалось это страннымъ: онъ никогда не позволялъ себѣ пѣть за обѣденнымъ столомъ.

Я прислушалась... и вздрогнула: «со святыми упокой!» пѣлъ онъ тихо, чуть слышно...

Я пытливо взглянула ему въ глаза: не хочется ли онъ надо мной пошутить?

—Его лицо совершенно серьезно, а глаза смотрѣли куда то въ окно...

—«Въ лѣсъ...» подумала я и сердце бользненно защемило.

—«Чортъ возьми! поработали мы сегодня... Что это ты папа расписалъ? спросилъ его братъ.

—«Такъ... задумался...» отвѣчалъ отецъ: «какъ это странно: вчера Таня рассказывала про свою галлюцинацію... а сегодня у меня цѣлый день вертится... этотъ мотивъ въ головѣ!»

Я замѣтила, что онъ не глядѣтъ на на брата.

Мнѣ сдѣлалось опять жутко. Я встала изъ за стола и подошла къ буфету не знаю зачѣмъ съ пустыми руками вернулась къ столу.

— Какая ты разсѣянная, сказалъ братъ, на выпей воды,—ты чѣмъ то взволнована.

Послѣ обѣда отецъ пошелъ спать, а я сѣла читать недоконченную книгу.

Я почти не помнила того, что читала: строчки то сходились, то расходились, буквы прыгали. Я и не замѣтила, какъ книга вышла изъ рукъ.

Обрывки мыслей скозились въ моей головѣ. Отчего это папа сегодня почти ничего за обѣдомъ не ѣлъ?

Отчего это братъ такой скучный? Будетъ ли сегодня опять... это?.. Вошла Анюта:

— Барышня, я вамъ ягоды принесла. Я приняла чистить ягоды сама, что обыкновенно дѣлала горничная.

Но сегодня мнѣ необходимо было чѣмъ-нибудь заняться, чтобы развлечься. Потому я сошла внизъ.

С. Шпицеръ. Не по той дорогѣ.

Это—одна изъ тѣхъ многочисленныхъ брошюрокъ, которыя за послѣднее время «невѣдомо для чего» наводняютъ книжный рынокъ, благодаря выростающимъ, какъ грибы послѣ дождя, книгоиздательствамъ.

Содержаніе—картинка разрома черной сотней еврейскою мѣстечка.

Содержаніе, какъ видно, очень трогательное, но сколько объ этомъ уже писалось до и послѣ введенія у насъ на Руси конституціи.

Только крупный талантъ скажетъ на эту тему теперь что-нибудь новое. Посредственному перу тутъ и дѣлать нечего.

Обратимъ вниманіе г. автора на наибольшую сенсационность.

Современные евреи, даже самыя фанатичные, не станутъ обращаться во время разорывшагося погрома къ равнину съ просьбою: «Защити насъ отъ этихъ жестокихъ христіанъ».

Кто изъ несчастныхъ могъ повѣрить, что престарѣлый раввинъ въ состояніи чѣмъ либо помочь разгромляемому населенію?

Книжка издана чисто, но цѣна 5 коп. за 15 страничекъ слишкомъ высока.

А. Рославлевъ. Красныя пѣсни

Отъ стволь торопливо—суля по отсутствію какъ типографской, такъ и авторской корректуры—выпущены въ свѣтъ «Красныя пѣсенъ» г. Рославлева въ количествѣ 16 штукъ можно было ожидать чего-нибудь сильнаго, по крайней мѣрѣ, красиваго, а то кажихъ нечего было и свѣщать изданіемъ сотни—другой стиховъ? Но при просмотрѣ книжки ничего подобнаго не встрѣчаешь. Ни силы красоты, ни красоты силы, несмотря на фигурированіе въ сборникѣ королей, герцоговъ, шутовъ, всадниковъ, шахтеровъ, взводовъ солдатъ, баррикадъ и дѣвы (Россія), томщащейся въ башнѣ.

Такия стихотворенія, какъ «На баррикадѣ», «Три ворона» прямо ничтожны; это какой-то наборъ словъ, даже плохо римующихся.

А нѣкоторыя изъ «Красныхъ пѣсенъ» просто наивны.

Для примѣра возьмемъ стихотвореніе «Земля».

Тащится грузный волъ, чуть шевеля ушами,

Отецъ былъ какой то задумчивый и что то мурлыкалъ себѣ подъ носъ.

Мнѣ показалось это страннымъ: онъ никогда не позволялъ себѣ пѣть за обѣденнымъ столомъ.

Я прислушалась... и вздрогнула: «со святыми упокой!» пѣлъ онъ тихо, чуть слышно...

Я пытливо взглянула ему въ глаза: не хочется ли онъ надо мной пошутить?

—Его лицо совершенно серьезно, а глаза смотрѣли куда то въ окно...

—«Въ лѣсъ...» подумала я и сердце бользненно защемило.

—«Чортъ возьми! поработали мы сегодня... Что это ты папа расписалъ? спросилъ его братъ.

—«Такъ... задумался...» отвѣчалъ отецъ: «какъ это странно: вчера Таня рассказывала про свою галлюцинацію... а сегодня у меня цѣлый день вертится... этотъ мотивъ въ головѣ!»

Я замѣтила, что онъ не глядѣтъ на на брата.

Мнѣ сдѣлалось опять жутко. Я встала изъ за стола и подошла къ буфету не знаю зачѣмъ съ пустыми руками вернулась къ столу.

— Какая ты разсѣянная, сказалъ братъ, на выпей воды,—ты чѣмъ то взволнована.

Послѣ обѣда отецъ пошелъ спать, а я сѣла читать недоконченную книгу.

Я почти не помнила того, что читала: строчки то сходились, то расходились, буквы прыгали. Я и не замѣтила, какъ книга вышла изъ рукъ.

Обрывки мыслей скозились въ моей головѣ. Отчего это папа сегодня почти ничего за обѣдомъ не ѣлъ?

Отчего это братъ такой скучный? Будетъ ли сегодня опять... это?.. Вошла Анюта:

— Барышня, я вамъ ягоды принесла. Я приняла чистить ягоды сама, что обыкновенно дѣлала горничная.

Но сегодня мнѣ необходимо было чѣмъ-нибудь заняться, чтобы развлечься. Потому я сошла внизъ.

Блестя, как серебро, вьрзается сошник — И хочется всю жизнь излить въ побѣдный крикъ:

Земля!

Удивительно—стоитъ только грузному волу пошевелить ушами, какъ г. Рославлевъ уже готовъ закричать: земля!

Удивителенъ и тотъ фактъ, что все и всё у г. Рославлева пьяны. Пьянъ пѣсь, пьянъ набатъ, а король и барабанщикъ —уже подавно пьяны.

Словомъ, не придавая никакого значенія настоящему сборнику—если можно назвать сборникомъ брошюру съ 16-ю стихотвореніями,—мыждемъ слѣдующихъ произведеній г. Рославлева, чтобы составить себѣ о немъ мнѣніе, какъ о поэтѣ.

Посоветуемъ только не спѣшить ни работою, ни печатаніемъ.

И. ГУРВИЧЪ.

ПРОГРАММЫ КОНЦЕРТОВЪ ВЫСТАВКИ „ЗИМНІЙ ПАВЛОВСКЪ“ ВЪ СОЛЯНОМЪ ГОРОДѢ.

1-й концертъ 3-го денября.

- 1) Глинка. Увертюра оп. «Русланъ и Людмила. 2) Калининковъ. Интермеццо Fis moll (въ 1-й разъ). 3) Чайковский. Увертюра-фантазія «Ромео и Джульета»; 4) Григъ. Сюита «Peer Gint.

Подъ управл. С. Т. Аббакумова.

- 5) Р.-Борсаковъ. Испанское Коприччо (Alborado, Variations, Alborado. Scena e canto gitana e Fandango asturiano). 6) Вагнеръ. Вступленіе въ «Лоэнгрино». 7) а) Шопенъ. Прелюдъ. А.—dur. Andante № 7. б) Шверне. Серенада. 8) Листъ. Венгерская Рапсодія № 14.

Подъ управл. Рудольфа Буллеряна.

- 9) Аренскій. Увертюра «Сонъ на Волгѣ». 10) Брамсъ. Танецъ № 5. 11) Чайковский. Вальсъ изъ «Спящей красавицы». 12) Леонковалло. Фантазія на оп. «Паяцы».

Подъ управл. А. В. Таскина.

2-й концертъ 4-го денября.

Подъ управл. С. Т. Аббакумова.

- 1) Чайковский. «Фатумъ» симф. поема (помертн. сочин.). 2) Бородинъ «Въ средней Азіи» музык. картина; 3) Россини Увертюра к. оп. «Сорока Воробья» въ новой инструментовкѣ Когеля; 4) Вагнеръ Полетъ Валкирій; 5) Аренскій. Вариации

Папа уже вышель и въ полголоса разговаривалъ съ братомъ.

Когда они замѣтили меня, оба замолчали.

«Ага», подумала я: «у васъ отъ меня есть тайны... и у меня отъ васъ есть»... Въ лѣсъ я сегодня больше не ходила. Спать на ночь съ собой въ комнату положила Анюту.

Сначала мы съ ней долго бесѣдовали и она охотно отвѣчала на вопросы, которыми я ее закидывала, но вдругъ... на одинъ изъ вопросовъ я не получила отвѣта.

Я посмотрѣла на нее. Она уже спитъ, ея глаза закрыты, лицо желтое, восковое... «Какъ у покойницы», подумала я и въ это время отчетливо услышала за окномъ: «Со святыми упокой...»

* * *

Впрочемъ, я увлеклась. Слишкомъ ужъ подробно рассказываю вамъ мои галлюцинаціи.

Достаточно сказать, что каждый день, на дню нѣсколько разъ они начали мучить меня.

Я истомилась, изстрадалась, похуѣла. Я не могла приняться ни за какую работу.

Апатичность моя не имѣла предѣловъ: я не слушала и не слышала вопросовъ, которые мнѣ предлагали, я почти все время о чемъ-то думала.

Не знаю, о чемъ. Папа повезъ меня въ городъ, показывалъ докторамъ; тѣ совѣтовали мнѣ какъ можно больше развлекаться.

Чтобы утѣшить папу, который мучился и страдалъ, глядя на меня, не меньше моего, я начала выѣзжать.

Балы, вечера, театры, концерты,—каждый вечеръ занята, каждую ночь напролетъ не сплю.

Но если бы вы знали, какъ тяжело мнѣ приходилось сначала.

Иной разъ слушаешь оперу—и въ самомъ чудномъ мѣстѣ ея раздаются похоронное пѣніе.

Иной разъ слушаешь комплименты какого-нибудь кавалера—и вдругъ слышатся

ни съ того, ни съ сего жутко, безотчетно жутко.

Иногда несешься въ звукахъ гармоничнаго вальса—и вдругъ «Со святыми упокой».

Со мной дважды на балу случался обморокъ.

Больше этого не случится. Я теперь настолько привыкла къ моей галлюцинаціи, что не обращаю на нее вниманія, не пугаюсь совсѣмъ.

Вотъ вамъ и вся исторія моей болѣзни, отъ которой я теперь, слава Богу, совсѣмъ вылечилась.

Такъ закончила свой разговоръ барышня съ черными глазами и какъ-то странно, дѣланно улыбнулась:

— Скажите вѣдь это самый вѣрный признакъ выздоровленія, если я не стыжусь рассказывать всѣмъ и каждому о своихъ галлюцинаціяхъ? Вѣдь галлюцинанты—больные тянутъ свои бредовыя идеи отъ окружающихъ... Да?

Я началъ, конечно, увѣрять ее, что это все такъ, хотя отлично зналъ, что многие душевно-больные съ назойливостью рассказываютъ всѣмъ и каждому о своихъ галлюцинаціяхъ.

Но къ намъ въ это время подошелъ ея братъ. Мы перемѣнили тему разговора и къ этой болѣзни не возвращались.

* * *

Черезъ два года мнѣ случайно довелось услышать трагическую исторію кончины этой дѣвушки.

Горѣли вѣнчальные свѣчи. Она стояла въ подвѣчномъ платьѣ, опираясь на руку жениха.

Надъ головой шафера держали золотыя вѣнцы.

Вдругъ... невѣста покачнулася. Упала безъ чувствъ.

Прервали обрядъ. Повезли домой. Она умерла. И послѣдними словами ея были:

— Со святыми упокой...

Н. ШЕБУЕВЪ.

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦІЯ.



—ТАКЪ БЫЛО... ТАКЪ БУДЕТЬ... ТАКЪ БЫЛО... ТАКЪ БУДЕТЬ...

на тему Чайковского «Быль у Христа младенца садъ»; 6) Чайковский. Полонезъ изъ 3-й сюиты; 7) Танъевъ А. С. Мазурка; 8) Ивановъ М. Вальсъ изъ оп. «Горѣ отъ ума»; 9) Гайднъ. Серенада; 10) Берлиозъ. Раввочи маршъ.

3-й концертъ 5 денября.

Подъ управл. Рудольфа Буллеряна. Солистомъ выступитъ первый концертмейстеръ оркестра Г. Крейза.

- 1) Дворжакъ: Симфонія «Aus der neuen Welt»; E—moll. op. 95: a) Adagio. Allegro; б) Largo; в) Scherzo; д) Allegro con fuoco; 2) Чайковский: «Франческо да Римони» симфонич. поема; 3) Вендяскій: Фантазія на оп. «Фаустъ» соло на скрипкѣ съ оркестромъ исп. Крейза; 4) Керубини Scherzo

G—moll изъ струнн. квартета; 5) Берлиозъ: Увертюра «Benvenuto Cellini».

4-й концертъ 6-го денября.

Подъ управленіемъ Рудольфа Буллеряна.

- 1) Чайковский. Славяскій маршъ; 2) Мусогорскій. Увертюра «Ночь на лысой горѣ»; 3) М. М. Ивановъ. а) Антракты изъ оп. «Забава Путятишна» в) Татарское нашествіе; 4) Направникъ. Фанданго; 5) Р. Корсаковъ. «Сарко» Симфоническая картина; 6) а) Ильинскій. «Кольбельная пѣснь»; б) Кочетовъ. «А ля бадалайка»; 7) Рубинштейнъ. Балетная музыка изъ оп. «Фераморсъ» а) Танецъ балдеронъ, б) Танецъ капризныхъ невѣстъ; 8) Чайковский. «Итальянское каприччио»; 9) Ипполитовъ-Ивановъ. Кавказскіе эскизы. а) Въ аудъ. б) Шестые сардаря; 10) Бородинъ. Хоръ поселенъ изъ оп. «Князь Игорь»; 11) Глинка «Вальсъ фантазія»; 12) Кюп. Гарибелла.

Вышли нов. сочин. Николая Дингельштеда: **ПРИЧУДЫ ЖИЗНИ** Рассказы съ мн. рисунк.: Походная любовь, Превращеніе прапорщика, Неосвязаемый, Любви могилишка, Убийца чорта, У особы съ пятнышкомъ, Отъ жениха къ жениху, Въ туманѣ реакціи и др. 208 стр. Цѣна 85 к.

Сборн. пѣснь съ 4 рис. **Шерлокъ Хольмсъ: Третья молодость**, Бюрократы. Ц. 50 к.

Покаянная ночь, расск. съ 4 рис. изъ быта купцовъ и приказчиковъ. Цѣна 15 к.

Выпис. отъ авт., СПб. Греческій просп., 15 за перес. не платитъ.

ЗАКАЗНОЕ
Форменное и штатское платье добросовѣстно шьетъ торговый домъ: СИМООНОВСКІЙ МАГАЗИНЪ МИХЕЛЬСОНЪ, С. П. Симонновская 5, противъ Моховой въ бель-этажѣ. Телефонъ № 44—93.

ТОВАРИЩЕСТВО „ВОЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ“
С.-Петербургъ, Фонтанка, 94.
Телефонъ 216—06.
Быстро и аккуратно выполняетъ работы на ротационной машинѣ въ краскахъ. Принимаетъ заказы на печатаніе въ краскахъ въ большомъ количествѣ предвыборныхъ афишъ, воззваній, программъ, объявленій и т. п.
Отдѣленіе художественныхъ работъ: печатаніе альбомовъ, открытокъ писемъ и т. п. трехцвѣтн. печатно.
Мастерская художественныхъ афишъ и плакатовъ: принимаются заказы на исполненіе рисунковъ для афишъ и рекламныхъ плакатовъ. Печатаніе въ краскахъ литографіей производится подъ непосредственнымъ руководствомъ художниковъ.
Контора открыта ежедневно отъ 10 час. до 6 час. вечера.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА
Выходить по воскресеньямъ и четвергамъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 20 НОМЕРОВЪ ОДИНЪ РУБЛЬ съ доставкой и пересылкой.
ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦѢ ПО 60 КОП., НА ПОСЛѢДНЕЙ ПО 30 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛЯ.
АДРЕСУЮ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІЮ: КОВЕНСКІЙ, 14
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 1 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.
ВЪ КОНТОРѢ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ Н. Г. ШЕБУЕВА:
ВСѢ ВЫШЕДШІЕ НОМЕРА ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА ПО 5 КОПЕЕКЪ.
№№ 2, 3 и 4 „пулемета“ по 10 коп., съ пересылкой 15 коп., юмористическихъ расказовъ изданіе второе съ иллюстраціями и. м. ГРАБОВСКАГО.
Выпуски 1, 2 и 3 „сочиненій ШЕБУЕВА“ по 15 коп. 2) „Японскіе вечера“ и негативы изъ руси. съ пересылкой 20 коп. за выпускъ 3) „Негативы“ изъ русскаго слова.
книги: 1) „Безъ предвѣрительной цензуры“—35 4) „Негативы“ изъ руси.
ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.
ОСТАЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ РАСПРОДАНЫ.
Первый номеръ „Газеты ШЕБУЕВА“ вышель вторымъ изданіемъ.